

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Ганьжин В. В.

Василий Ганьжин – член Совета российского политического объединения «Рабочий», возглавляет ячейку в Екатеринбурге. Закончил философский факультет УрГУ, был депутатом городского Совета народных депутатов. Курировал городской Совет трущобников.

Работа «К обсуждению стратегии России» прослеживает стадии общественных отношений. Как показывает исследование, переход современной России к инновационной экономике связан с социальным обеспечением наёмных работников. В противовес псевдонаучному членению истории на «традиционное», «индустриальное» и «постиндустриальное общество» автор отстаивает марксистскую точку зрения.
Редакция Б. Л. Ихлова

Отпечатано на собственные средства и на собственной компьютерной базе Ганьжина Василия Викторовича. Екатеринбург, подписано в печать 27.03. 2009
Тираж 200 экз.

1. Вступление.

Насущной, но неразрешенной проблемой и косыгинских реформ, и горбачёвской перестройки, и либерализации демократов, и ныне, при разработке стратегии до 2020 года является мотивация к труду. Мотивация работника совокупного труда к результату труда обособленного предприятия. Демократы - попытались её решить резки увеличением армии безработных (якобы конкуренции). Однако отчуждение труда только увеличилось.

В обсуждении «Стратегии», прежде всего, хочется напомнить, что «должное и сущее не совпадают». В лучшем случае даже пошаговое принятие Программы развития России до 2020 года не совпадут с действительностью полностью.

Дело не в том, что мы обязательно ошибёмся, а «бог располагает». Дело в том, что кроме уникальности самой практики, «мы предполагаем» всегда в сиюминутной обстановке. Воззрения строятся из прошлых и настоящих обстоятельств. Между тем каждое из достижений порождает всё новые, расширяющиеся потребности. Вполне возможно, что подобно тому, как современные демократы, получившие жильё и образование в СССР обогнали СССР, наши будущие поколения «нежданно» обнаружат «ужасы» наших достижений.

Во-вторых. Кроме круговорота потребностей, в «Стратегии 2020» необходимо учесть экономические кризисы. Только на графике стратегия развития может выглядеть эволюционно восходящими показателями. В реальности, где кризисы - атрибут рынка, развитие скачкообразно, пульсирующе.

В войне 1854 г. Россия потерпела поражение из-за отсутствия паровозов и машинного производства. Аналогично с материальным благосостоянием. Рост ввода жилья на 5% в год не разрешит жилищного вопроса. Эволюционное развитие стройиндустрии, которое будет вводить по 160 млн кв.м только к 2025 г - оставит без достаточный процент населения. Необходим кардинальный рост производительности труда, не только в 4 раза, а выше.

2. Определение границ.

Россия имела несколько периодов экономического роста. Например, в 11 веке, с 1480 по 1560 гг. В период правления Петра I русским металлом кормилась вся Европа. Сами демократы любят напоминать о промышленном буме царской России конца 19 в. Между тем, индустриализация в СССР по своим масштабам, по темпам затмила все бывшие экономические взлёты.

Между тем, опредмечивание не только создаёт антропогенное бытие, но и – в процессе распредмечивания - творит сознание. Сознание не только осознанное бытие, но и само продукт труда. Следовательно, обрушение экономики творит обрушение в головах людей.

В этом плане изменились отношения собственности. Как известно, собственность – это не отношение человека к вещи. Это отношение между людьми по поводу вещей (Маркс).

Без палеонтологических данных биоты, как и без послыной классификации геологических пород – не может быть и речи о современном уровне исторических знаний. Лишь советские историки, пользуясь методологией общественных отношений, смогли расчлнить первобытность, хотя именно западные мыслители открыли социальное явление экзогамии. Тем не менее, исключительно советские историки определили суть первобытного человечества: родовое общество. В связи с этим стадия развития людей с установлением вето половых общений чётко отграничивается: как от стадии разложения рода, так и от предродовой стадии. Где каждая группа людей жила ещё в отношениях промискуитета - равнодоступное отношение всех к мясу и к самкам. (Семенов Ю. И.)

Эта до-родовая стадия потому является уже стадией социальной формы материи, что своей социальной силой отринула животную систему доминирования. Отношения промискуитета возникли и существовали запретом права силы: запрет проявлений системы доминирования. В этом смысле запрет, и осуществление запрета был, очевидно, определённой системой права. Не просто моральным нормированием, а требованием, обеспеченным применением силы: легитимным регулированием.

Биологичность системы доминирования между живыми организмами видна в каждой травинке, которая своим стремлением к свету оттеняет любых соседей. Система доминирования ярко открывается в прайде львов, когда они рвут мясо из под носа друг друга, и когда повзрослевший подросток сменяет главу просто проявлением своей силы. Наглядность животности системы доминирования показательна в собачьих «свадьбах», когда самцы, овладевая самкой, рвут друг друга без разбору.

Все-групповой запрет потреблять мясо старым путём «доминирования над другими» - ставит социальный заслон биологичности и осуществляется уже всеобщей силой над любой особью. Социальным регулированием. Положительное содержание этого социального регулирования заключалось в равнодоступности членов группы к мясу и самкам. Переход здесь от биологического к социальному очевиден. Люди в стадии промискуитета выживали уже не особью, а группой – предродовой общиной. Потому что атрибутом пользования средствами труда являлась передача индивидуального опыта в общее достояние. Ещё у обезьян подражательная деятельность имела значение для обучения. Производство же подражанием образцу приводила к устойчивой, относительно стандартной форме. Для достижения образца образец становился целью, воздействующей на изменяемый предмет природы. Таким образом, производство не только становится социальной формой передачи знаний, но и требует социальности.

Западные исследования первобытности идут только по пути сравнения биологических видов. Их труды по антропогенезу и социогенезу неизменно противоречат друг другу. И даже отрасль знаний у них называется – антропология, а не история. Изучением человечества здесь занимаются не обществоведы, а биологи, точнее медики, даже хлеще того – стоматологи.

Можно с ними согласиться, что при капитализме «человек человеку – волк». Но уже в стадии промискуитета такие биологические свойства, как половые влечения, были поставлены в социальные рамки.

«Дело обстоит так, что человек сам существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно – в этих природных неорганических условиях своего существования.»
(Маркс)

Способо производства есть определённый способ соединения рабочей силы со средствами производства. Производство родовой общины и воспроизводство не единицы, а рода выражалось отношением людей к окружающей природе в качестве общей промысловой территории, где средства труда – лишь частички этой родовой общности.

Также естественно стадия родовой общины стала разлагаться. Само воспроизводство общины, в качестве обособления рода и половой связи родов, развило её отношения в сложную систему племён и этнически союзных племён. Простым ростом населения родовая община превратилась в родственную общность целого региона.

Физико-географические различия регионов, естественно, выразились в разности продуктов труда общин. История открывает, как - ещё до земледелия-скотоводства - племена разных регионов обменивались продуктами. Так, обсидиан с Кавказа доходил до Средиземноморья, а раковины с побережья широко распространялись в глубь Африки.

Возникновение экономического явления спроса, как и определённый экономический избыток специализации тех или иных племён, породил знаменитую частную собственность. Маркс неоднократно указывал, что собственность возникает не внутри общин, а в соприкосновениях общин: обособленный продукт труда от продукта труда иных общин. Больше того, частная собственность возникала под эгидой общины. Сама общинная собственность в контактах с другими общинами выступала обособленностью, тем самым, - уже частной собственностью.

Называть собственность общины – общественной собственностью, строго говоря, некорректно. Собственность и община – несовместимы. Только с возникновением индивидуального характера производства – с генезисом земледелия и скотоводства – возникает понимаемое нами явление: собственность. Родовая община собственности, как таковой, не имела. Родовая община, подобно популяциям животных, просто занимала определённую территорию. Со всеми её природными и антропогенными вещами. Промысловую территорию, с водами, с рудными залежами, с определённой флорой-фауной и обжитыми сооружениями. Не только продукт труда, как жилище Подонья

из костей мамонтов, но и средства труда, как гарпуны добывающих морских котиков племён Калифорнии, - все было общим достоянием.

Не съесть пойманную добычу втихомолку, а множество километров нести её общине, чтобы досталась лишь откусанная часть. Советские учёные определили, что в родовой общине была не только общедоступность к продуктам питания, но и равномерное потребление. Часто просто совместное – продукт пускали по кругу.

Равномерность, как учила уральский историк Нэлли Фёдоровна Шилюк, не была одинаковостью, а была равнодостаточной. Коллективная собственность заключалась не только в общем производстве (часто совместном, как загонная охота), но и в неравном обеспечении. Разном количественно. Нетрудоспособным членам рода, например, детям, выделялось меньше питания. Равнодостаточное потребление шло неравными частями согласно полу и возрасту.

С возникновением земледелия и скотоводства эта неравность частей потребления стала превращаться в неравное количество средств производства. Индивидуальный характер труда при работе мотыгой, так же, как уход за скотом, создавал стадо не только как разное количество предметов потребления, но и стадо как количественно разное средство производства. Так, библейский Яков выпас больше пёстрого скота в сравнении со стадом без пятен тестя именно использованием стада как средства производства. «Каждый раз, когда зачинал скот крепкий, Иаков клал прутья в корытах пред глазами скота, чтобы зачинал он перед прутьями. А когда зачинал скот слабый, тогда он не клал. И доставался слабый скот Лавану, а крепкий Иакову.» (Библия, Бытие, гл. 30) Налицо - разложение социально-экономического равенства родовой общины.

Продукт труда тогда потреблялся в том объёме, какой был создан собственным трудом. Индивидуальный характер производства породил принцип распределения «по труду». Новые общественные отношения возникли вследствие новых средств производства. Обрабатываемая земля, селекция растений и животных, производство керамики и металлов – вот изменения в производительных силах, которые породили новое присвоение и потребление, основой которого было уже не посильное участие в общинном труде, а результаты собственного

труда. Отныне присвоение природного - средства производства, труд соединял с индивидуальной рабочей силой.

Отделение общин земледелия-скотоводства от общин охотников-собирателей, отделение скотоводства от земледелия, отделение ремесла из домашнего хозяйства земледельца или скотовода, отделение торговли от ремесла – всё вело к обособлению их продуктов труда. Это отчуждение продукта труда общины отражалось обособлением продукта труда общинников. Ибо принцип распределения «по труду» выражается в количественно разном объёме продукта труда, если речь идет о живом, а не овеществленном труде. Принцип распределения «по труду» бессмысленен, если речь идет об овеществленном труде, как это было в СССР и других капиталистических странах.

Постепенно родовая община трансформировалась в соседскую общину. Где земля, как и промысловая территория, оставалась в общей собственности, но движимое имущество признавалось частной.

Уровень средств труда, как мотыга; уровень средств производства, как селекция животных; - всё функционировало уже обособленным трудом. Качественно усиливалось общественное разделение труда.

Таким образом, создаётся общественная система обособленных производителей, где не только излишек специализирующейся общины выставляется на обмен, но и каждое из обособленных производств превращается в звенья общей системы воспроизводства. «В результате огромной работы советских этнографов и археологов в кочевниковедении получило всеобщее признание убеждение, что «чистых» кочевников, т.е. степных народов, единственным типом хозяйства которых является кочевое скотоводство, вообще не существовало, и даже практически не могло существовать. Например, монголы всегда были связаны с соседними народами, имея с ними как бы «общую» экономическую базу. Получается определённый «симбиоз» кочевого и осёдлого населения.» (Степи Евразии.)

Общественная связь этих обособленных производителей, выступающих ещё в качестве общин или уже в качестве обособленных семей, существует стоимостью. Ведь любой индивидуальный труд в обмене сравнивает своё общественно-необходимое количество труда с количеством этого абстрактного труда иных конкретных работ. Соразмерностью.

Продукт труда становится товаром, потому что он - продукт обособленного труда, потому что он в качестве товара сравнивает своё количество с чужим количеством. Даже глубже того! Отношением стоимости обособленное производство сравнивает себя с собой – сравнивает свое собственное затраченное количество труда со средне-общественными затратами подобного продукта труда.

Таким образом, отношения частной собственности сохраняются соответственно обособленности производств. Не юридические правила игры устанавливают собственность, а общественные отношения, где люди могут присваивать только посредством отчуждения. Частная собственность и разделение труда – указывал Карл Маркс – есть тождество. Где первое пребывает в состоянии покоя, а второе пребывает в состоянии производственного процесса. Стоимость есть момент обособленного производства, его завершенность, его способ потребления, его мера, зеркало жизненных средств. Стоимость есть неотъемлемое свойство обособленного производства, его атрибут, сочленение всех обособленностей в общественное единство.

Будет ли обособленное производство изжито? Разумеется, нет, обобществление и обособление труда находятся в диалектической связи. Ленин указывал, что разделение труда никуда не исчезнет при коммунизме, наоборот, будет усиливаться. Энергетическая система, железная дорога или запуск космических ракет обособлены от камвольного комбината, строительства жилья или мясокомбината. Но НЕ ДАННЫЕ обособления воспроизводят отношения стоимости и частной собственности. Стоимость воспроизводит подобие продуктов труда, их сравнимость для обмена. Нужно оставить производство таких продуктов автоматам. Ликвидация же старого общественного разделения труда касается, главным образом, труда умственного и монотонного, тяжелого, обезличивающего труда рабочих. Именно абстрактность труда рабочего в сфере обмена (при отчуждении продукта труда) и порождает стоимость (Маркс). **(Добавим – главным образом, в абстрактность в сфере производства, которая генерирует абстрактность в сфере обмена, Б. И.)**

Так разделение труда времён неолита - железного века, постепенно превращая в товар продукт труда одного за другим обособленных

производств, превратило в товар и самого человека. Если на стадии родовой общины чужаков съедали (ещё в додинастический период Египта после победы убивали по 40 тысяч чужаков), то уже в древнем царстве Египта, в раннединастический период Шумер пошла работорговля.

Надо признать, что и у советских учёных бывали ошибки. Подобно тому, как историки ради преподавания разбивают 16-19 века на «Историю средневековья» и «Историю Нового времени», так и переходный период от стадии родовой общины к рабовладельческому обществу они разрывают на стадию разложения родовой общины и стадию классовообразования-рабовладения. Обособляют на «Историю первобытного общества» и «Историю Древнего мира».

Между тем, процесс дифференциации внутри общины и товарообмен между общинами превратил одну часть бывших общинников в рабовладельцев, а остальную часть - в рабов. Стадия рабовладения притекла из стадии родовой общины, где мостом между этим ступенями долго была переходная стадия «военной демократии». Ибо продукт труда теперь потреблялся в том объёме, какой был создан собственным трудом. В итоге, бывшие средства производства всей общины стали частной собственностью глав государств. А значительная часть населения истощилась до самопродажи.

Эта стадия «военной демократии» характеризуется такой общиной, где чужаки оставались рабами общины. Их не убивали. Хотя по старому, оценивали их не в качестве людей, а природными вещами. Только член общины является здесь человеком. Вся окружающая среда есть только богом данные вещи. Необщинники - лишь такая же природная часть труда, как овцы, применяя которых, член общины становится единством своей субъективности и неорганического продолжения своего тела. Чужака уже не умертвляли, как ранее. Но здесь он не обладал никакой собственностью. Всё - территория, вода, злаки, живность – всё было для него чужим.

Не только жизнь, питание чужаков было с разрешения общины. Человек существовал здесь как раб, не потому что его угнетали, а, потому что не имел окружающей природы для своего опредмечивания! У монголов такие люди назывались «унаган-боголы», что означает «раб рода». Отношение к людям как к природным вещам при исполь-

зовании естественно выражалось принуждением их к труду. Отношением господства-подчинения.

Следующая фаза этого превращения людей связана со взаимными захватами племён. Поскольку появилась собственность, её оборотная сторона – «чужое», постольку грабёж стал формой промысла. Межплеменная война приводила к тому, что разбитое племя переходило в полную зависимость от победителя. Так, дорийские греки стали спартанцами, захватив местное племя. Превратив их в илотов.

Функцию легитимного насилия здесь исполняет всё боееспособное население. Такая соседская община является уже государством. В стадии номового государства, в стадии полиса.

Дальнейшее сосуществование семей общины с рабами общины эволюционирует в фазу патриархального рабства. Всё совершенно просто. Рабы общины не могут жить посреди улицы – они живут в усадьбах членов общины. Так, добыча греков – Хрисеида отдана Агамемнону, а Брисеиду отдал Ахиллу. Выявлением факта, что Хрисеида не собственность Атрида, является возврат этой женщины волей всех ахейян. Рабы общины лишь постепенно, по мере привычки, становились патриархальными рабами. Так, свинопас Евмей считает себя слугой именно Одиссея.

Стремясь разрушить марксово деление истории, западные идеологи, а за ними российские либеральные историки неожиданно обнаружили, что в эпоху стереотипного для нас рабства основную работу земледелия выполняли свободные общинники. Рабов у них было мало. Да и выполняли рабы лишь вспомогательные действия: приносили воду, чистили хлев. Среди мира историков стали муссироваться идеи о рабстве без рабов, о первобытности с рабами, и даже о феодализме без крепостных.

(На самом деле рабы составляли значительную часть общин, порой свыше 50% населения, см., напр, Амброзо Днини, «У Истоков христианства». Трудно представить себе строительство водопровода в Риме земледельцами или возведение пирамид без рабов. Конечно, на долю аграрного сектора при рабовладении приходилась немалая доля, но рабы работали и в сельском хозяйстве, не

только при строительстве городов или при обслуживании ремесленников, Б. И.)

Плохо, когда люди мыслят стереотипами. Значимо ведь не название рабство-феодализм, а общественные отношения людей. Реконструируя историю, мы видим, что во времена первобытности значимо было родство людей. А во времена рабовладельческой общественно-экономической формации значим был статус свободного и, соответственно, несвободного. Как перед этим - значим был член общины, иль чужак. Существование общин на основе рабства, развившееся до народного стереотипа патриархальное рабство, - всё висело социальными связями над любым полноправным членом общины. Своим обнищанием соответственно дифференциации населения свободный общинник в виде товара выставлял уже не свинью или пиво, а своих родственников и самого себя. Знаменитый Авраам продал с голодухи в гарем фараона свою жену. Законодательство Солона началось, «воспротив обеспечить ссуды личной кабалой». (Аристотель)

Превращение стадии родовой общины в стадию рабовладения завершилось фазой самопродажи свободных общинников. Люди становились рабами, потому что не имели средств к существованию.

С другой стороны, раб был не только вещью собственника, природой, окружающей человека. Но и получал корм из рук хозяина. Как объяснял Маркс, раб, в отличие от наёмного работника, получал свои необходимые жизненные средства не расчленением продукта труда на постоянный и переменный капитал, а за счёт всего продукта труда. В этом способе производства рабочая сила раба является только частью средств производства. Таким же средством труда как плуг, ячмень или баран. Раба кормили за счёт ресурсов собственника средств производства. Именно потому! Что экономическим состоянием многих людей того времени было отсутствие всяких средств производства.

Несведущему человеку не понять, как же это - оставаться рабом и не сбежать от хозяина в леса, в безлюдные пустыни? Соль в том, что любая пустошь, лесные дебри являлись тогда собственностью каких-либо общин. Общин рабовладельческих государств или общин охотников-собирателей. Везде природа, как составная часть самого человека, была уже социально отчуждена от него. Естественность превращения в рабство здесь налицо.

Зрелое рабовладение характеризуется не только количественным ростом рабов, но уже и снижением значимости общины. Под влиянием бесконечных войн и скачков государств от номового к региональному, от региональных к мировым державам, наконец, под влиянием поглощения различных мировых держав империей всей ойкумены значение общины постепенно гаснет.

Греки времён эллинизма разграбили свои Дельфы потому, что у них не осталось ничего святого. Не только боги общины, но и сама община была уже не свята. Переходный период от стадии родовой общины к рабовладельческому обществу заканчивается с исчезновением статуса члена общины. Людьями здесь являются не члены одной территории или рода - «сыны дома Израиля» или «хананеянки», а все сыны божие. Стадия родовой общины окончательно перетекла в стадию рабовладения.

С увеличением рабов соответственно завоеваниям, с ростом латифундий рабовладельцев, с расширением частной собственности и исчезновением собственности общины рабовладельческая общественно-экономическая формация стала разлагаться. Рабы крупных частных хозяйств - производств крупномасштабных - использовались уже в товарном производстве. Плантационным хозяйством. Многочисленное количество ртов легло тяжёлым бременем на плечи рабовладельца. Его совокупный продукт труда не мог покрыть не только расходы на питание своих говорящих орудий, но и не хватал и на возмещение средств производства.

Известно, что рабский труд неэффективен. Тем не менее, во времена Одиссея, в фазе патриархального рабства, Евмей имел мотив работы на господина: «Меня б он устроил, мне дал бы поле, и дом, и невесту с богатым приданным, и, словом, всё, что служителям верным давать господин благодушный должен, когда справедливые боги успехом усердье их наградили.» (Одиссея, песнь 14). Во времена Римской империи, как и во времена Новоассирийской державы, усердье индивида уже бессмысленно. Наоборот, всеобщим отношением рабов является желание навредить господину: повозки попортить, быков опотить, да и самому замедлить все движения трудовых действий. Стадия разложения рабовладельческого хозяйства неизбежна по мере роста

рабов. Содержание рабов за счёт плантационного хозяйства становится нерентабельным.

Постепенно в хозяйствах Римской империи, как в китайском государстве Тоба-Вэй, непосредственных производителей стали наделять участками земли, то есть снабжать средствами производства ради того, чтобы бывшие рабы сами обеспечивали себя! Хотя они и отдавали часть продукта труда в виде налога китайскому государству и в виде оброка римскому господину, экономический расклад однозначен: рабочая сила кормилась не из закромов хозяина, а из продукта своего труда.

Логический переход рабовладения в стадию феодализма очевиден. Но исторически он произошёл лишь в рамках Византии и Китая. При этом в странах востока этот переход так и остался самой экономической стадией. В Индии неприкасаемые признаются недочеловеками до 21 века. Феодальная рента, взимаемая в форме государственных налогов восточных стран, законсервировала так называемый «азиатский способ производства». Бесправное существование подданных компенсировалось содержанием из закромов государства. «Азиатский способ производства» есть разной степени переходная стадия от рабовладения к феодализму, и даже от родовой общины к феодализму. Непосредственные производители имеют здесь экономическое положение римских колонов. Они уже производственно самостоятельны на земельном участке, но сами ещё принадлежат государству. Больше того, принадлежность к государству обусловлена тем, что они всё ещё принадлежат общине.

(Весьма спорные утверждения. Европейский феодализм – не менее феодализм, нежели в Византии или в Китае. Азиатский способ производства стоит отдельно от рабовладения, потому переходной стадией от рабовладения быть не может, Б. И.)

Обвинения материалистической истории в фатализме, в направленности исторического процесса наглядно опровергается разными выходами из первобытности. Очевидно, что переход арабов, германцев, тюрков, славян из стадии равноправия в стадию неравенства отличен от развития шумер и греков. Проходил самопроизвольно! Ступени стадильности – налицо. Но их осуществления уникальны и фатально не определены. Так, в стадию государственности народы тропическо-

го пояса вошли на базе бронзы. Ещё в 3 тыс. до н.э. А народы умеренного пояса Евразии созревают на базе железного века. В 1 тысячелетии. Норманны и монголы, вообще, вырастают до государственности в 10, в 13 веках.

Уникальность, произвольность исторических явлений очевидна, социальная форма материи развивается посредством многообразных случайностей. Что не исключает причинно-следственных процессов этих случайностей. Как объяснял Маркс, просто, когда мы прослеживаем эту внутреннюю связь, то может показаться априорная конструкция – фатальное порождение последующего предыдущим. Только начитавшись учебников, может создаться представление, что какая-нибудь обезьяна стала откалывать от камня кусочки исключительно ради того, чтобы в 20 веке, на берегу Невы, её потомки «взяли» Зимний дворец. Так, писатель Ефремов представляет историю человечества сплошным потоком войн и восстаний. Если бы он заглянул в книги или статьи по этнографии, то не увидел бы никаких войн. Не собственная жизнь человечества фатально предопределена, а лишь - в изображениях её представителей. Экономическая обусловленность есть, преопределенности - нет.

Идеалист не признаёт историю объективной реальностью. Как это так: и Карамзин прав, и Соловьёв, и даже Покровский прав? Потому что для философского идеализма знание - не отражение объективного, не процесс, а дилемма: истинно или ложно.

Переход человечества к стадии феодализма проходил хоть тот же путь от равноправия к системе неравенства, но при совершенно иных обстоятельствах. Формированием феодально-зависимого крестьянства. Формированием экономики, где не только хозяин, но и непосредственный производитель заинтересован в результатах своего труда.

Понятие феода, как и связанная с ним зависимость, обнаружено западными мыслителями. Но своё наиболее адекватное отражение получило в работах советских историков. Ещё Кавелин, проблесками - Эверс, видели в русской истории смену родового быта государственностью. В советское время этот процесс осмыслен как феодализация русского общества. Применение марксизма привело к глубокому вы-

воду: «Феодальная собственность для своей реализации в виде феодальной ренты предполагает порядок, в силу которого непосредственный производитель должен иметь в своём распоряжении все средства производства и все условия труда. Вследствие этого крестьяне могут быть наследственными держателями своих наделов с широкими правами распоряжения этими наделами. В этом смысле крестьяне – феодальные собственники своих наделов. Традиционные владельцы земли. Феодальная собственность сеньора выражается в простого получателя феодальной ренты в форме оброка или деньгах.» (Сказкин С. Д.)

Именно, «иметь все средства производства»! И жизненные средства добывать собственным трудом. А не из рук хозяина.

Когда исследуют генезис феодализма, начинают обычно с переселения народов, с разложения рабства Древнего мира. Лишь советские учёные обращали внимание на скачок развития неравенства из бывшего равенства народов. Так, в степях Сибири на рубеже эры ими обнаружены крупные хозяйства. Пазырыкский курган показал такое состояние погребённого, которое оценивалось в сотни простых лошадей. (Киселёв С. В.) Дифференциация членов общины началась здесь в Тагарскую эпоху, с переходом населения от бронзового к железному веку. Больше того, выделение богатых связано с отделением ремесла от скотоводства, с развитием торговли.

Аналогична дифференциация у германских племён. Например, в посёлке Феддерзен выделены археологические горизонты. На начальной стадии здесь располагались равновеликие дома. В 1 в н.э., при разрастании деревни – появляются дома разных размеров. Во 2 в н.э. выделяется уже наиболее крупное хозяйство. А в 4-6 вв появляются дома меньшего размера. Везде на побережье Северного моря археологи зафиксировали эту структуру. Среди домов – один выделялся особенно крупным. Разложение равенства - налицо. (Haarnagel W, Гуревич А. Я.)

В генезисе Новгорода, в городах Руси, наши историки различали состояние одних и в несколько раз меньшее - остального населения. В усадьбах бояр было 1200 кв.м, тогда как стандартная усадьба общины нарезалась в 450 кв.м. (Куза А. В.) В Киеве при нормальной усадьбе в 250 кв.м - на каждую усадьбу детинца приходилось до 2000 кв.м.

Отличие этих народов лишь в природной обусловленности регионов. Растительность степей, разреженная флора пустынь, из-за аридности территории, выражается в скотоводстве. А переувлажнённые леса оборачиваются земледельческой деятельностью. Таким образом, тюркские народы проходят феодализацию через поголовье скота. Ведь доля каждого члена племени в коллективном пастбище была пропорциональна количеству скота. А германские, славянские племена осваивали участки пахоты по силе - «куда топор, соха и коса ходит». Ибо пока труд вкладывается в землю, она принадлежит тому, кто её обрабатывает. Промысловая территория выделяла частные пастбища и пахоту внутри себя. Факт, что частная собственность расширялась.

Но! Расширившиеся частные средства производства, как и потребность в захвате чужой собственности, путём войн привлекают дополнительную рабочую силу чужаков. Они, как показано выше, социально лишены средств производства. Для арабских, германских, тюркских, славянских племён этого времени характерно состояние чужака в качестве раба всей общины. Таким образом, началу феодализации этих народов ещё присуща экономическая включённость раба в хозяйства членов общины. И присуща ступень легитимного принуждения - государственность военной демократии.

Так, классообразование в условиях кочевого образа жизни произошло именно по военно-государственному критерию, превращало всех боеспособных членов общины в эксплуататорский класс. Независимо от имущественного положения. Институт набегов уравнивал социальную внутреннюю разобщённость возможностью быстро улучшить своё материальное положение. Главная обязанность крепостных вассалов, «отэгу-боголов», состояла в том, что они должны были кочевать со своими господами. В связи с этим та лёгкость, как в возникновении раннефеодальных держав кочевников, так и возвращение к догосударственным отношениям. К возрождению родоплеменной организации.

Так, первое, что мы узнаём о детстве Чингисхана, - то, что при потере отца от него откочевали зависимые люди. Улус – просто распался. Вдова с детьми стала бедствовать. Хозяйство опустилось до охотничьего образа жизни.

Наоборот, как под верховодством Чингисхана объединились, подчинились племена. Так всё подвластное население пошло единым фронтом на завоевания, стало не только эксплуататорской силой, но и феодально-зависимым населением. Соответственно военной структуре людей расставили в феодальную иерархию - от десятника до темника.

Выделение наиболее богатых из общины завершилось раздачами раннефеодальных держав. Воеводы – герцоги, нойоны - получили в безусловную собственность земли и людей. Ибо богатство того времени имело натуральный характер. Земли, земли и земли - жаждали народы. Мест - не для капиталовложений. Земли - не как промысловой территории. А территории, как животворящей продуктов питания.

Пожалования насытили вотчины средствами производства. Дальнейшая феодализация пошла по пути экономического развития самостоятельных хозяйств непосредственных производителей. Это выразилось в том, что бывшие рабы испомещались на земельных участках вотчин. Они, конечно, обязывались отрабатывать в хозяйстве домена. Но жили уже за счёт производства необходимых жизненных средств на полученном участке. «В феодальном хозяйстве земля, как существенное средство производства, находится в распоряжении господина, тогда как для максимальной производительности мелкого хозяйства все средства производства, в том числе и земля, должны быть собственностью производителя. При таких условиях феодальный непосредственный производитель должен быть также собственником продукта своего труда.» (Сказкин С. Д.)

С использованием на собственной земле труда держателей дофеодального хозяйства общинника превращается в домен феодала. Критерием в процессе превращения общинника в феодала является труд по эксплуатации. Если труд собственника заключается в присвоении феодальной ренты, то хозяйство – феодальное. Если в обработке надела применяется не только труд держателей, но и личный труд собственника, то это хозяйство ещё не феодальное, ещё переходное к феодальному. (Неусыхин А. И.)

Периодическое использование рабочей силы рабов – ещё нормальное явление для общинника в отношении к чужакам. Зажиточность общинника за счёт эксплуатации продуктовой рентой того человека,

которому на прокорм была предоставлена земля, также ещё находится в рамках старой, патриархальной эксплуатации. Принуждение к отработочному труду держателей самостоятельных хозяйств устанавливает уже феодальные отношения между бывшим общинником и эксплуатируемым. Превращение в выжимателя чужого трудолюбия так же естественно, как необходимо.

В этом процессе дифференциации общинников надо понимать историческую необходимость феодализма, процесс его развития, и тем самым, его неизбежной гибели. Даже шире - надо понимать место в истории и феодализма, и капитализма. Их исторические корни и их исчезновение.

Превращение свободных общинников в феодальных господ и феодально-зависимых крестьян имело всемирно-историческое значение. Оно выделило из общей массы - людей, которые исполняли функцию управления обществом, его защиты. Имели время для познания и обучения. Обеспеченные крепостными. Это был частичный выход части человечества из зависимости от природы. Они вырвались далее из животного мира. Не по велению какой-то Цели. А естественно сложившимся общественным разделением труда.

Ведь разделение труда на непосредственных производителей и управленцев произошло путём отделения ратного труда от труда земледельческого. Феодал не только принуждал к труду, но и исполнял общественно необходимую функцию: обеспечение безопасных условий труда. Например, в Скандинавском регионе, где личная зависимость рядовых почти не осуществилась, классовое образование на эксплуатируемых и эксплуататоров свершилось именно по критерию воинской службы. За исполнение военной функции рыцарями крестьяне оплачивали феодальную ренту. «Преимущества профессиональных и тяжеловооружённых воинов перед крестьянами-ополченцами были очевидны в Скандинавии не в меньшей мере, чем в других странах. Короли предпочитали собирать с бондов побор, заменивший службу в ополчении. Замена военной службы бондов налогом, избавляя их от необходимости отрываться от своего хозяйства, объективно благоприятно сказывалось на нём. В результате этих перемен бонды превратились в податное сословие. Фрельсе (освобождённые) получали налоговые изъятия на условии выполнения профессиональной военной службы.» (Гуревич А. Я.)

Таким образом, обладание собственностью на условиях военной службы обрело всеобщий характер. Все, даже самые близкие к государю феодалы становятся вассалами: их земельная собственность получает условный характер. Ещё вотчины раннефеодальных держав жаловались за службу. В последующем – этот условный характер собственности усилился правом сюзерена изымать его, соответственно, - обязанностью вассалов вступать во владения феодем. В Европе бенефиций распространился с 8-9 вв, на Руси – поместное землевладение пошло с 14-15 вв.

Даже западные историки понимают взаимосвязь средневековых людей: условная собственность за военную службу и наделение землёй по службе. А наши либералы видят в закрепощении дворян лишь деспотизм русской власти. Невдомёк свободолюбивому интеллигенту, что условность собственности осуществлялась не равноправным договором аренды, а внеэкономическим принуждением.

Завершился переход стадии родовой общины в стадию феодализма фазой превращения самих общинников в держателей земли. Дифференциация общины закончилась превращением свободных членов общины в феодально-зависимых крестьян. При этом не на землях домена феодала, а на земле бывшего общинника.

Обнищавшие общинники «дарили» свои земли монастырям и светским феодалам. Дарили не безвозмездно, а с условием пользования своими землями. Правда, получая ещё земельный участок. Дополнительные средства производства.

Это крестьянское держание имело право пользования, владения, и бывало даже, право распоряжения земельного участка. Но! Уже на обязанности отчислений от своего продукта труда в пользу феодала. На базе условной собственности.

Материальное оскудение свободных засвидетельствовано воинским призывом Карла Великого. По Капитулярию 807 г. призыв от неимущих сокращался. Каждые двое должны были выставлять одного воина. Вооружать его за счёт двух хозяйств. Из совершенно безземельных свободных в поход должен был идти каждый шестой, получая поддержку от остальных пяти.

Естественность этого обнищания в процессе дифференциации немцев в 8-10 вв, русских – в 9-11 веках подтверждается подобным

разорением белопашенных крестьян в 17-18 веках. Белопашцы – это потомки Ивана Сусанина, получившие вечное освобождение от всех налогов, повинностей и 90 десятин земли. В 1834 г белопашцев было 226 человек. Николай I обнаружил их уже бедственное состояние. Комиссия одной из причин беды «признала наличие индивидуальной, а не общинной формы собственности: земля передавалась от отца к сыну равными долями, участки постепенно мельчали, а переделы отсутствовали. Земельные сделки совершались только в пределах привилегированной территории. Постепенно земля сконцентрировалась в руках немногих крестьян, разбогатевших за счёт других, и наследственно сохранявших за собой звание старосты.» (Миронов Б. Н.) Естественная неизбежность дифференциации здесь – налицо.

Дифференциация общинников довела часть из них до такого разорения, что эти свободные готовы были сдать себя любому, кто обеспечит их существование. «Поелику всем известно, что у меня нет ничего, на что я мог бы кормиться и одеваться, то я обращаюсь к благочестию вашему с просьбой позволить мне встать под ваше покровительство и поручить себя вам на следующих основаниях: вы должны будете помогать мне пищей и одеждой, по мере того как я буду вам служить.»

Эта условность собственности отражала натуральность хозяйства того времени. Человек тогда не мог прокормить себя продажей какого-либо продукта труда, как патента на изобретение, просто потому, что ещё невозможно было прокормиться продажей продукта труда. Жить можно было лишь за счёт натурального продукта труда. Это совсем не значит, что не существовали отношения стоимости, что ещё не было торговли. Нет, торговля была. И богатство в злате было. Так в погребениях гуннов находят неисчислимое количество золота. Но, это богатство было именно в своей натуральной форме драгоценностей, а не в форме меновой стоимости.

Как и почему товар превращается в меновую стоимость, раскрывается расширением товарооборота: когда множество продуктов труда, представленных в товаре, обмениваются уже на какой-то один, всеобщий эквивалент. На Руси так же, как и в Европе, в то время ни женские ожерелья, ни меха куницы, ни монеты Византии ещё не обрели статуса всеобщего эквивалента. Просто потому, что товар не предлагался даже в своей «развёрнутой относительной форме», тем более, ему было также далеко до своей «всеобщей относительной формы

стоимости», как клочку куны до полновесного серебряного рубля. Продукт труда той эпохи в обмене представлял себя, в основном, в «простой относительной форме стоимости».

Именно с завершением генезиса феодализма возникает простор для развития товарообмена. Начало зрелого феодализма учёные отсчитывают с процесса внутренней колонизации. Бум строительства, озамкование, отделение ремесла от земледелия, осуществление международной торговли, а вслед и торговли местными товарами, наконец, поросль городов – всё, всё было выражением оптимальных производственных отношений.

Конечно, экономика натурального хозяйства оборачивалась принуждением к исполнению тех обязанностей крестьян, которые возлагала предоставленная земля. Условность крестьянского держания осуществлялась не равноправным договором, а внеэкономическим принуждением. Тем не менее, феодальная экономика создала работника, заинтересованного в результатах своего труда. И хоть крестьяне находились в поземельной и даже в личной зависимости от феодала, эта их экономическая заинтересованность возвышает их над положением раба. Вещь господина, как скот. В феодальном хозяйстве самый закрепощённый из крестьян сам является хозяином в свершаемом им производственном процессе. При этом, при индивидуальной собственности общинник разорялся до потери жизни, а при условной собственности крестьянин мог не только жить, но и стать зажиточным.

Как показывает марксизм, разделение труда на прибавочный труд в хозяйстве домена и на необходимый труд в собственном хозяйстве создавал возможность прибыли. Крестьянин усовершенствованием средств труда или интенсивностью своего труда мог произвести не только необходимые средства воспроизводства, но и определённый прирост. Возможность прибыли побуждала феодальных крестьян к активному расширению своих ресурсов, толкала на освоение нови и пустоши, во внутреннюю колонизацию Европы.

Больше того, тенденция феодальной экономики, требующая применения работника, заинтересованного в результатах своего труда, выражается в экономической заинтересованности самого феодала в благосостоянии крестьянского держания. Феодал не только вручает производителю средства производства, но и способствует крестьян-

скому хозяйству. Так, в годы разорения татаро-монгольского нашествия бояре предоставляли крестьянам серебро на обзаведение. Больше того, феодалы Европы постепенно ослабляли зависимость своих крестьян. Переводили на натуральный оброк. В южных и западных краях даже совсем освобождали – до полного распоряжения земельным участком. Просто каждый из новых собственников должен был нести поземельные платежи. «В какой бы форме ни существовала феодальная рента, она, будучи частью труда крестьян, зависела от благосостояния крестьянского хозяйства. Следствием этого была относительная экономическая независимость отдельного крестьянского хозяйства и крестьянской общины от хозяйства феодальной вотчины. Таким образом, непосредственный производитель феодальной формации мог быть владельцем всех средств производства и экономически самостоятельным хозяином на своём наделе, верховная собственность на который принадлежала феодалу.» (Сказкин С. Д.)

В фазе продуктовой ренты феодализм обретает адекватные себе производственные отношения. Феодальный домен сокращается настолько, насколько потребности феодала обеспечиваются полученным от крестьян натуральным продуктом. Зато крестьянское держание экономически растёт. Хоть прибавочный труд в пользу феодала является экономическим потолком крестьянина, этот прибавочный труд теперь должен выполняться в форме продукта труда. Не под прямым принуждением. А в течение собственного труда. Таким образом крестьянское держание располагает всем своим рабочим временем! Только от индивидуальной производительности зависит его благосостояние. Хотя крестьянин не различает свой труд на необходимый продукт и прибыль. Но тем стремлением произвести необходимые жизненные средства для себя и для воспроизводства хозяйства каждый крестьянин спиралью развивается в расширенное воспроизводство. Этот материальный достаток крестьян отразился в былинах и сохранился для нас в определённых впечатлениях о царских веках.

Феодальная стадия человечества имеет ещё одно значение для современности. Она является отправной точкой для нашей жизни. Так, наш исторический опыт, вообще, знает лишь феодальные отношения – барина-холопа, подданного-царя, да купца с попом. До сих пор общественное сознание не может избавиться от барства, холуйства, от

моды на царизм. Экономическим идеалом наших демократов является самостоятельный производитель и продавец – идеализированный крестьянин.

Правда, что в стадии феодализма процветала торговля (ходил за море купец). Как раз, в следствие того, что крестьяне часть своей продукции – излишек - выносили на торги. Но демократы глубоко ошибаются, отождествляя те и наши отношения стоимости. Продукт труда крестьян, в отличие от современности, продавался ещё не по средне-общественной стоимости. Не товаропроизводством. А по индивидуальной стоимости. По фактическим затратам.

Купеческий капитал потому и существовал (потому и процветал!), что покупал товары разных регионов по их цене и разницу купец складывал себе в карман. Стоимости разных продуктов труда ещё не воздействовали друг на друга. Действие сравнения проходило только в бюджете купца.

Соль в том, что производство ещё не функционировало как товаро-производство. Неразрывное единство крестьянина с природой отражало удовлетворение всех его потребностей за счёт плодородия земли и домашних ремёсел. Продукт труда не отчуждался, потому что служил удовлетворению потребностей непосредственно. Лишь часть избытка продукта труда, лишь спорадически, а не целенаправленно выносилась на рынок. Так, в России до 19 века торговля почти не имела стационарных точек. Велась на временных торжищах и ярмарках. А в десятках вёрст вокруг места ярмарки населенные пункты, вообще, не имели торговли! Её функцию выполняли коробейники. Правда, расширявшиеся количественно и по интенсивности.

Ремесленное производство, конечно, работало уже не только на заказ, но и на рынок. Тем не менее, идентичность средств производства с индивидуальностью ремесленника хоть отчуждала продукт труда, но - не отчуждала самого труда. Ремесленник всем своим вдохновением творца, всей душой входил в процесс производства. Уникальность его труда естественно воплощалась в продукте труда. Шедевр был нерасторжим со своим производителем.

Товарно-денежные отношения были ещё не развиты. Как и почему меновая стоимость становится деньгами, показывает деятельность ростовщика. Начиная с обмена денег и заканчивая распродажей имущества должника, ростовщик интересуется уже не натуральной формой

вещи, а только её оборачиваемостью. Ему нужна лишь оборачиваемость вещи! Целью становится стоимость в качестве средства обращения. Только под воздействием экономических мотивов крестьян продукты труда стали развиваться в средства обращения. Постепенно, веками превращая натуральное хозяйство крестьянского держания в простое товаропроизводство.

Больше того. В ответ на упрёки «в направленности истории» действительная история жила волнообразно, всплесками. С неоднократными откатами, вплоть до стадии первобытного каннибализма. Всем известны средневековые эпидемии. Городами, регионами, континентом вымирали европейские люди. Демографический кризис, волны панэпидемий, усиленные междоусобицами феодальной раздробленности приходится примерно на 1315 – 1450 гг. Хотя они и перемежались с восстановительными годами.

Можно говорить о процветании феодализма Западной Европы только в 11-13, в конце 15 вв. Оно постоянно перемежалось феодальными междоусобицами. На Руси эта амплитуда роста была ещё более скачкообразной: в 11,12 вв, с 1480 по 1560 гг. У нас знают только поход Батыея. А ведь до конца 13 века Русь опустошали не менее 14 нашествий. Одно страшнее другого. Лесостепь от Чёрного моря до Оки вплоть до 18 века была континентом охоты на людей. Рабский промысел был не меньший, чем в Африке.

Где уж тут годы процветания! Товарообмен лишь зарождался. Феодальный домен в 10-15 вв вообще сократился до самообеспечения. Связь его с рынком была не продажей своей продукции, а покупкой заморских роскошей.

Вот последнее имело экономическое значение. Потребность в роскоши постепенно затребовала от крестьян денежной ренты. Фаза денежной ренты взбаламутила весь феодализм. Конечно, денежный оброк брался с крестьян во все века. Но в стадии генезиса феодализма доминировала отработочная рента. На стадии зрелости – преобладала натуральная рента. (Маркс звал «фаза продуктовой ренты») Тем не менее. Доминирование денежной ренты повело к разорению крестьянского держания. Повело феодальную стадию по нисходящей ветке.

В товарообмене есть два взаимных движения. Т-Д-Т, продажа ради купли и Д-Т-Д!, купля ради продажи. Первое движение отражает естественную потребность в продукте потребления. Второе движение выражает рост денег. Как только это самовозрастание стоимости отражается в сознании, как только эта неуёмная жажда денег воплощается в мотивы поведения людей, как только целью становятся деньги, - так пропал человек, превратился в потенциального капиталиста. С этого времени все самые низменные страсти, самая зверская жажда пожирания - система доминирования - возрождаются на базе огнестрельного оружия.

Переход от стадии феодализма в стадию капитализма составляет суть этого времени. Историки часто разрывают эту переходную стадию на «Историю средних веков» и «Историю Нового времени». Тем не менее. И медиевисты прослеживают события централизации государств. И республиканцы третируют формы угнетения феодальных обществ.

Экономическим содержанием переходной стадии является отделение рабочей силы от средств производства. Разложение феодализма идёт по пути различного разорения крестьянского держания. Уже в конце 15 века южные земли Германии кишат бездомными бродягами и нищими подёнщиками. В Англии надлом производительных сил феодализма пришёлся на конец 14 века. «В 1388 аудиторы герцога Джона Гонта после посещения манора сообщали, что хозяйство домена не покрывает расходы и оборачивается для милорда большими убытками. Поэтому они советуют сдать домениальные земли в аренду, как это сделано в других манорах.» (Барг М. А.)

Чрезмерно высокая норма феодальной эксплуатации выразилась в том, что барщинное хозяйство притерпело затяжной кризис. Ещё к 1348 г сокращалась запашка домена, барщина поэтапно заменялась денежной стоимостью. Затем, после эпидемий чумы (1348-49 гг, 1361, 1368, 1375 гг), крестьянского восстания 1381 г, численность населения снизилась до такого низкого уровня демографической кривой, что: «Сельские поселения, исчезнувшие с лица земли в этот период, исчисляются многими сотнями. Домениальное хозяйство себя изжило даже в глазах самых упорных лордов. Вакантные крестьянские дворы годами не находили охотников «сесть» на них. Крестьяне в массовом

масштабе отказывались отбывать повинности не только барщинные, но и денежные» (Барг М. А.) Так, с вымиранием крестьянского держания в упадке оказался и феодальный домен.

Выходом стала лишь эволюция домена на капиталистические рельсы. В дом нанимали прислугу, а земли сдавали в аренду – не крестьянам, а предпринимателям. Не за феодальную ренту, но за земельную ренту капитализма. Больше того, убыточность домениального хозяйства заставляла его эволюционировать в товарное производство. Правда не на базе земледелия, а на базе коммерческого скотоводства. Знаменитые огораживания развивались с 15 по 18 вв. Тягой рынка шерсти.

По мере того, как домениальное хозяйство переориентировалось на товарное производство, по мере того, как оно расширяло территории под пастбища, крестьян сгоняли с их держаний. Массами выгоняли с их земельных участков. Снос крестьянских поселений, лишение их земель отразилось в сознании англичан впечатлением «овцы съели людей». Повторяющиеся в веках законы о бродяжничестве свидетельствуют о массовости бездомных. Часть крестьян, лишившись наделов, оставались в деревнях. Коттеры, по наличию в их собственности только жилища – коттеджа. Они жили за счёт надомной работы, предоставленной рассеянной мануфактурой. Или нанимались подёнщиками в хозяйства фермера, арендующего земли у бывшего феодала. В любом случае, английским крестьянам 16-17 вв оставили лишь голую рабочую силу, без природных средств своего опредмечивания. Хотя этой пауперизации недостаточно для капитала.

Нищета человека в качестве отсутствия у него средств производства имеет место и в рабстве, и в индивидуальной собственности, и в феодализме. Тем не менее, ни пролетарий Рима, ни бродяги феодализма не превращаются в постоянного продавца рабочей силы просто потому, что средства производства, жизненные средства не развились ещё до товарной стадии, не распространились в качестве товара. Только в 15 веке в Венеции-Генуе, в Нидерландах 16 в, в Англии лишь в 16-17 вв продукты питания проходили обмен веществ уже через деньги. Деньги опосредовали обмен веществ.

Этот процесс превращения феодального домена и крестьянского держания в качестве стадии перехода от феодализма к капитализму проходил в странах Европы по-разному. В Англии – трансформацией

домена и ликвидацией крестьянского держания. Во Франции – трансформацией крестьянского держания и ликвидацией домена. В России – полной ликвидацией и домена, и крестьянского держания. При этом, если ступенями классически-логического развития являлись переход от натурального к мелкотоварному, от свободного мелкотоварного производителя к безимущему пролетарию и капиталисту, то исторически – настолько экзотически разнообразно, что не только историк с трудом проходит реконструкцию, но и сам чёрт ногу сломит. Так, в России эти превращения были не как матрёшки – одно после другого, а одно посредством другого. Одно внутри другого: вольнонаёмный найм ради сохранения своей крестьянственности. Стремление к самовозрастанию стоимости и чрезмерный труд уже капитализма - через даровой и деспотически-принудительный труд.

Кроме того, эта переходная стадия была весьма, весьма разновременна. Так, в нашей стране переход феодального домена к найму работников как истощение крестьянского держания произошёл лишь в 19 веке. Так, ещё весь 18 век российские поместья не только расширяли барскую запашку, но и заводили предприятия на барщинном труде. Винокуренные, полотняные, суконные, кожевенные, свёклосохарные, наконец, металлургические заводы работали на даровом труде крепостных. В 1814 г половина всех предприятий была в собственности дворян. Лишь после закона 1840 г, который разрешал закрывать подобные предприятия, к 1861 году 103 феодальных заводчика из 141 ликвидировали свои предприятия. И в пореформенное время стали привлекать наёмных рабочих.

Показателем упадка нашего феодального домена служит рост задолженности. Только в 19 веке русские помещики стали закладывать свои поместья и крестьян. В 1833 г в залоге числилось уже 4,5 млн душ крестьян, то в 1859 – это количество возросло до 7,1 млн. (Заичкин И. А.)

Регионы Германии проходили стадию разложения феодализма ещё мозаичнее, не только в разное время, но и с постоянными откатами. Ещё в начале 16 века разорение рыцарских владений и крестьянского держания обернулось Реформацией и Крестьянской войной. Победа протестантов привела к раздробленности в тысячи суверенов. В годы Тридцатилетней войны население Германии вообще скатилось до

каннибализма. Упрекать здесь научную историю в направленности - абсурдно. Развитие Германии как минимум четырежды приступало к смене феодального капиталистическим обществом: в начале 16 века, в конце 18 в, в годы Наполеоновских побед, в конце 19, после 1 мировой, в 1933-35 гг, наконец, после Второй мировой войны. При этом её откат в 1525, в 1630-1648 гг, в 1760-х гг, в 1840-х, 1918-20 гг, в 1944-45 гг – возвращал население не только к феодальным порядкам, но и отбрасывал до самой первобытности! Более того! Стадиальное развитие Германии ещё кувырчалось в разнообразности развития её земель.

Общеизвестно, что восточные земли прошли второе издание крепостничества. Известно, что феодальный домен западных земель перешёл на арендные рельсы. Имел освобождение крестьянства до статуса мелкотоварного производителя. Но мало кто обращает внимание на южные земли. На земли Австрийской империи. Вот где калейдоскоп социальной стадиальности. От горной свободы кланов до крепостное иго венгерской долины, от феодальных повинностей Крайны до капиталистических мануфактур столицы.

Даже во Франции Фернан Бродель отмечал поразительную разность социальных ступеней: когда под боком высоко обуржуазившегося Парижа преспокойно прозябают деревушки стадии феодального генезиса. Становление капитализма в разных регионах планеты проходило ещё более разнообразно.

(Как известно, Маркс датировал возникновение капитализма не от первой в мире буржуазной революции в Нидерландах, а от возникновения на уровне всеобщего класса торговых людей, мешочников, менял, ростовщиков и т.д. Недаром во время буржуазной революции в Англии Кромвель разрешил еврейским ростовщикам селиться легально. Вторым источником возникновения капитализма стали ложи, лоджии, цеха – помещения, где совместно работали ремесленники, в том числе каменотесы, которые работали с мягким, податливым, «свободным» камнем, free mason. Отсюда и франкмасоны. Позднее из лож выделились фабриканты, Б. И.)

В России капитализм зарождался мучительно долго, с вечными откатами, потому что процесс отделения рабочей силы от средств про-

изводства имел основой колоссальные просторы с богатствами меха, металла, зерна. С постоянной колонизацией новых земель. Тем не менее, его моменты издавна сопровождали феодализм по мере действия отношений стоимости.

Даже на его первой стадии проскальзывали не только услуги деятельностью, но и первые акты найма. С другой стороны, монгольское иго и нашествие крестоносцев отбросили Русь к дофеодальному образу жизни: к каннибализму и родо-племенным отношениям. Тем не менее, рост товарно-денежных условий, в том числе «татарский выход», привёл к централизации северо-восточной Руси, которое с 1480 по 1560 гг привело к такому расцвету экономики, что были мануфактуры с сотнями наёмных рабочих. На солеварнях при двух основных рабочих нанималось до сотен дровосеков, дровозовов и водоливов.

С появлением англичан резко возросла стоимостная тяга. Редко кто обращает внимание, что освоение Сибири происходило капиталистическим стимулом: за плечами людей, занимавшихся охотничьим промыслом, стоял кредитор! «Добыча промышленника традиционно делилась на 3 части. Оставшуюся долю он оставлял себе только после того, как отдавал заимодавцу долю за компенсацию средств производства и долю на плату - на прибыль заимодавцу» (Бахрушин С.В.)

Таким образом, в добыче мехов Сибири заинтересованность кредиторов в самовозрастании стоимости - налицо. А пушные охотники - лишь производители этого роста. Но влияние капитала на феодализм России ещё сложнее.

Соль в том, что одно происходило через другое: капиталистическое вызревало в самом феодальном, реорганизовывало феодальное в струю капиталистических мотивов. Так, капитализм Запада превратил феодальный домен Восточной Европы в товаропроизводителя. Правда, на феодальном труде. Действие мирового рынка привело не к усилению наёмного труда, а к возрождению и усилению феодального труда. Капиталистические отношения на Западе привели на Востоке к активизации феодальных, именно отработочных рент, (Но!) движимых капиталистическим мотивом.

Феодальный домен Польши, заэльбских земель Германии, центральной Европы давно отставил натуральное хозяйство. Рынком хлеба стал звеном мирового рынка. Но даровой, принудительный труд крестьян довёл их до уровня плантационного рабства. В Бранденбурге

хоть не было членовредительства крестьян, но разорение дошло племенного состояния. Спали скопом на одних полотах - женщины, мужчины и дети всех возрастов и родственных колен. Под боком у скота. В Польше, вообще, крестьянам рвали ноздри, уши, головы. Людей клеймили!

Вторичное закрепощение крестьян России развивалось с конца 16, весь 17 век - в то же время, когда в Америке развилось плантационное рабство. Очередной откат Смутного времени к дофеодальным порядкам, когда детей съедали чтобы выжить, не устранил, а только усилил закрепощение. Редкость рабочей силы при колоссальных просторах производительных сил оборачивалась возвратом беглых к своим феодалам, сыском и возвратом хозяину. Тем не менее, заинтересованность феодала, прежде всего государства, в денежной ренте усиливала определённую вольность - торговлю крестьян. Ради уплаты феодальных повинностей крепостного превращали в самостоятельного товаропроизводителя.

Ещё в 18 в расцветал феодальный способ производства. Число феодалов с 1700 г увеличилось к 1727 г в четыре раза, до 64471. Но это расширение государевых служащих обернулось спросом на жильё. В связи с временностью пребывания служащих, весь 18 век развивается сдача жилья. Коммерческий найм жилья.

Больше того! Жилище, дворянский дом в качестве усадьбы натурального хозяйства исчезал. Производственное время чиновников уже перестало быть связано с натуральным обеспечением. Двор не нужен уже, как производство, – есть «жалованье». Произошло пространственное отделение времени производства от восстановления сил. Жилище стало пространством для вне рабочего времени, выделением человека из царства необходимости. Дворы превратились в дворцы, в пространство отдыха и общения.

С феодальной стороны, правительство Петра I поспособствовало дворянской бедноте в розыске беглых, взяло сыск на воинские команды. Освободило дворян от необходимости тягаться с крупными землевладельцами, установив повышенный штраф за держание беглого. В итоге, крестьянин становился всё более лично привязанным к феодалу.

С капиталистической стороны, ориентация русских помещиков на мировой рынок востребовала личного участия в управлении феодалом. Ещё Анна Иоанновна освободила одного из сыновей от службы ради управления имением. Пётр III освободил от обязательной службы государству. Но качественный скачок превращения феодального домена в частную собственность свершился с «Жалованной грамотой дворянству» Екатерины II. Из-за отмены всех поземельных, личных, административных обязанностей дворян перед государством произошёл отказ от условности землевладения. Домен превратился в частную собственность.

Но это превращение феодального домена в товаропроизводителя оборачивалось чрезмерным трудом феодального принуждения. Наши современники знают, что беглых ссылали на вечную каторгу работать на заводы. Историки знают посессионных рабочих, которые были прикреплены к заводу. И не дай бог не придти за десятки вёрст, чтобы заготавливать дрова и руду. Некоторые знают, что дворяне использовали отработочную ренту вотчинных крестьян на своих заводах. Но совершенно изгладилось в памяти интеллигенции, что рукоприкладство было образом жизни того времени. Средством принуждения к работе. И уж совсем экстравагантным фактом для нас являются уголовные принуждения барином своих рабочих. В 1859-60 гг, уже в годы обсуждения реформ, сослано в Сибирь по уголовному решению частного феодала по три тысячи крепостных.

Превращение крестьянина в капиталиста также произошло одно через другое. Не как на Западе - генезис капиталиста из мелкотоварного производителя. Нет. Наши текстильные фабриканты города Иванова вышли из крепостных. Знаменитый Грачёв в 1795 г заплатил за свою «вольную» 135 тысяч рублей, будучи уже богатейшим из текстильных капиталистов. На Урале развитие салотопенных, мыловаренных заводов конца 18 в. принесло купцам сотни рублей дохода. Хотя их руководители были изгоями общества – староверами, феодально задавленными в тройном иге.

Как старообрядцы они несли двойную государственную ренту. Куда уж тут до западного своевольтва! Они даже среди русских были недочеловеками и материально, и духовно.

В 1785-1800-е феодальный способ производства, как в Англии 14 в, достигает предела. В связи с чрезмерной эксплуатацией крестьян про-

исходит надлом производительных сил крестьянского держания. «С конца 18 до середины 19 в. площадь барской запашки на душу населения увеличилась на 65%, а размеры оброка возросли в 2,5 – 3,5 раза. При этом сокращались крестьянские наделы. Лишившиеся своих наделов крестьяне переводились в дворовые, число которых увеличилось к 1858 до 1467тыс. человек.» (Заичкин И. А., Почкаев И. Н)

Крестьянское хозяйство до такой степени разоряется и сокращается, что некоторые помещики переводили крестьян на «месячину»: содержали - за счёт ресурсов феодального домена. Полностью возродив рабскую экономику.

Кризис феодального способа производства проявился и в том, что крестьянское держание стало ориентироваться на побочные – от земледелия – промыслы. Путём заработка от найма они поддерживали свои земледельческие хозяйства. Сведения, представленные историком (Рындзюнский П. Г.) показывают, что в преимущественно земледельческом крестьянском хозяйстве промыслы приносили 38% от всего дохода. В другом исследованном хозяйстве, где только один человек работает крестьянским трудом, а другой занимается исключительно фабричной работой, доход от побочного заработка составляет более 50%.

Как видно из приведённых фактов, людей, занимающихся чисто одной работой по найму, – ещё нет. Но и натуральное хозяйство прокормить крестьян не может. Они вынуждены помимо земледелия прибавлять к продажам своего труда.

В описаниях, выполненных П. П. Семёновым, в доходной части всех крестьян зафиксированы поступления от «заработков и промыслов». У зажиточных крестьян они составляют 1/3 доходной части бюджета, в других группах около 1/2. «Так, например, у одного «зажиточного» (самого богатого из описанных) крестьянина сюда входят: «зимний заработок сына», «мелкие подёнщины членов семьи», плотничьи работы домохозяина». У «достаточного двора» - «заработки 2сыновей», «мелкие заработки членов семьи».

Естественность и необратимость превращения натурального и зависимого труда в стоимостный и наёмный - здесь очевидна.

При этом превращение натурального в стоимостный труд шло естественным путём. Кишевшие в мелкой и средней торговле крестья-

яне на рынок выносили не только сельскохозяйственную, но и ремесленную продукцию: шерсть, кожи, холсты, рыбу, игрушки и т.д. Повсеместная и широкая работа извозом есть неоспоримый факт.

Кроме выхода на торжки, крестьяне сбывали свою продукцию через скупщиков. Покупкой сырья от перекупщиков крестьянское хозяйство экономически превращалось в полукрестьянина-полукустаря. Такие крестьяне как нечерноземное окружение Москвы работой на дому уже превращались в ткачей рассеянной мануфактуры. Они ещё, как бы продавали продукт труда, но экономически уже подчинялись капиталу. При этом наниматель рабочей силы ещё и безответствен перед работником: в случае понижения спроса – бросает работника на произвол судьбы, чтобы тот сам решал проблему заработной платы.

Дальнейшее превращение рабочей силы - ещё феодально закреплённого крестьянина - в товар связано с «отходами». Работа на дому, как и товаризация промысла, ещё представляют стоимость его труда в продукте труда. С выходом «на заработки», прицениваясь и сравнивая понесённые расходы с возможным доходом от продажи процесса труда, нанимающийся относится к своей рабочей силе как к стоимости. Предлагает её в стоимостной пропорции. Эволюция развития бывшего натурального труда в стоимостный так же естественна, как развитие товарообмена.

Разберёмся подробнее со степенями и видами найма.

Работник, устраивающийся к односельчанину, скажем, перекрыть крышу, продаёт ещё не рабочую силу, а трудовую услугу. Товаром выступает не продукт труда в виде постройки, а процесс труда. Наниматель путём денежного товара покупает время этой рабочей силы. В этом акте фактически ещё нет эксплуатации – только в той или иной мере равный товарообмен (**вспомним, шабашники в СССР получали заведомо больше средней зарплаты по стране, причем эта плата была десятилетиями выверена «движением» шабашников, Б. И.**). Стоимость в жизненных средствах обменивается на стоимость в форме процесса. Правда, эти жизненные средства уже представлены именно в деньгах. В Англии в 1349, во Франции в 1350 г уже установили максимальный потолок для цены такого товара «услугой». Чтоб не нажились.

В действительности, капиталистические отношения, соединяющие стоимость средств производства и стоимость рабочей силы, экономически оставляли на стороне капиталиста всегда растущую величину. На стороне же продавца рабочей силы – стоимость определенного уровня. Хоть колеблющуюся соответственно конкретному рынку и уровню притязаний, но - к постоянному уровню.

Если в феодальных отношениях прибавочный труд в хозяйстве домена отделялся на необходимый труд в крестьянском держании плюс прибыль от самостоятельного хозяйства (разделение не в стоимостном, а в натуральном выражении), то в капиталистических отношениях разделяется стоимость. Экономически разделяется на прибавочный труд на стороне капиталиста и на необходимый труд на стороне наёмного работника. Более того, на время возмещения средств производства и на время возмещения рабочей силы.

Прибавочный труд здесь настолько невидим, неразличим, что сами капиталисты считают прибыль не экономической формой прибавочного труда, а удачей рыночной стихии. Обычный предприниматель представляет себе происхождение своей прибыли не от экономических законов, а от собственного умения шельмовать. Хотя за этой растущей величиной стоимости скрывается перманентная потребность в расширенном воспроизводстве средств производства. Вечный обмен веществ, который выражается в расширенном воспроизводстве.

Поэтому экономически капиталист наёмного работника не обманывает. Маркс постоянно обращал на это внимание. В обмен на деятельность рабочей силы капиталист оплачивает стоимость рабочей силы – обменивает стоимость жизненных средств на стоимость специфического товара, потребительным качеством которого является созидание стоимостей. А потом пользуется купленным товаром. Ибо товар специфичен: живым трудом создаёт овеществлённую стоимость.

Просто этот живой труд в течение рабочего времени – по сравнению с первобытностью – уже способен произвести больше стоимости, чем требуется для физического существования. Если бы рабочий трудился на себя, то также бы произвёл большую стоимость, чем необходимо жизненных средств в этот день труда.

Наивное представление, что капиталист не доплачивает. Нет, даровой труд получается чисто экономически. Работник продаёт, а капи-

талист покупает товар. И тот, и другой - именно за его свойство создавать стоимость. Если бы нанявшийся продавец работал бы не 20 часов, а 2 часа, то каждая секунда экономически бы расчленилась на стоимость средств производства и стоимость рабочей силы. На постоянный и переменный капитал.

Если бы произведённая стоимость не возмещала бы эти части капитала, то с нерентабельностью капиталист просто бы не покупал рабочей силы. Здесь сделка товарообмена переплетена с производственным процессом порождения живым трудом овеществлённого труда. Правда, само производство ведётся не ради предметов потребления, а ради денег.

Если наш крестьянин отрабатывает долг богачу, то это ещё ростовщическая операция. Обычная купля-продажа. Надо сказать, отдаче денег займы «стыдились», считая зазорным делом. Да и бедняку было легче вернуть отработкой, за неимением денег. Зато размер процента был гораздо выше при расплате за долг трудом. Найм здесь ещё скрыт коммерческой сделкой. Но выражение рабочей силы в стоимости - уже налицо.

Такая же кабальная сделка была и при найме батрака к феодалу. Хоть землевладелец вольно нанимал работника, но безапелляционно устанавливал такие условия, что нашему современнику покажутся игом. За грубость и дерзость полагался штраф в размере 1-3 руб. (до 10% годового заработка) Причём говорилось, что «дерзостью» должно признаваться требование - денег вперёд до срока или изменения в чём-либо настоящих условий. В ней же говорилось, что в случае, если денежные возмещения и штрафы не могут быть покрыты собственным их имуществом, то нужную сумму «мы должны заработать в рабочем доме» - в тюрьме. А убежавших с места работы будут возвращать обратно «формальным порядком» (полицейским) или будут взыскивать с самовольно ушедших в двойном размере «неотслуженные деньги». (Рындзюнский П. Г.)

Деспотические формы найма землевладельцев и сельских ростовщиков толкали крестьян на дальние отходы. Местами усиленного притяжения были работы на фабриках, на шахтах. «Стимулом к этому была большая разница в высоте заработка. Она была столь велика, что с лихвой покрывала путевые издержки. Так, местный батрак, работавший в летние месяцы, получал в год 20-30 руб., работник на мест-

ных свёклосохарных и винокуренных заводах – 25-35 руб.. В то же время дальний отходник приносил домой «чистыми» 40-50 рублей, а работавшие на донецких копях крестьяне лишь за 1 месяц получали 14-15 руб.» (Рындзюнский П. Г.)

Однолошадный крестьянин никогда не успевал вспахать свои полосы. Тем более безлошадный. Требовалось нанять это средство производства. Но какой же хозяин отдаст лошадь в чужие руки! В связи с этим, безлошадный крестьянин на обработку земли нанимает человека с лошастью. В этом случае сам наниматель является беднее своего наёмного рабочего. Больше того. Подобный найм приносит нанятому работнику экономическую выгоду – он зарабатывает не ниже рыночной стоимости.

Таким образом найм становится выгодным. И желанным! Крестьянское хозяйство конца 18 в, в 19 веке не обходилось без работы по найму. Одни нанимались, другие нанимали работников. Превращение труда из принудительного в свободный – налицо.

Просто, это становление стоимостного, свободного труда в российских условиях барщинного товаропроизводства происходило ещё обратной стороной принудительного труда. Так оброчные крестьяне Строгановых, ради уплаты феодальных повинностей, шли на заработки в уральские заводы и вольно нанимались, например, на Билимбаевский завод. Который принадлежал тем же Строгановым.

Этот характер вынужденности свободного труда особенно контрастен в призывах наших демократов. Журналистка радио «Эхо Москвы» Юлия Латынина сожалеет, что «у рабочих есть на что существовать. Вот, если бы они остались ни с чем, если б их дети голодали, то - тогда б сразу ухватились за любой заработок. Вот тогда бы проявили производственную активность.»

Люди! Вы на неё не обижайтесь, ведь она – из самых гуманных побуждений. Не шутите. «Эхо Москвы» - это ж последний островок прав человека. Они против принуждения вымогательством.

Рубежом в пролетаризации крестьян 19 в являлся падёж лошади или возврат долга средствами производства. Вымирание российского крестьянства учёные зафиксировали в применении контрацепции. Семьи не только укупнялись до нескольких колен, но и контролировали

рождаемость. Другим выходом, чтобы не сдохнуть с голоду, стал окончательный уход в пореформенное время на фабрики.

(Кроме падежа лошади крестьян разоряло наступление капитализма, Ленин подробно описывает этот процесс в книге «Развитие капитализма в России», Б. И.)

Жили в бараках, в балаганах, в землянках. Если появлялся заработок - снимали комнату. Снимали угол. Семьёй снимали койку. В коммунальной и в коридорной системе. Нанимали для жизни подвал, чердак – всюду, где домовладелец предоставлял за плату. Трижды в пореформенное время прошёлся голодный мор. И люди России, как англичане 16 века, дожили до полной пауперизации.

В этом процессе отрыва рабочей силы от средств производства человечество не только низводит одну из своих частей до голой рабочей силы. В этом процессе творится и всемирно-исторический прогресс. Совершается следующий шаг отрыва человечества от природной зависимости. Путём естественного превращения рабочей силы в стоимость капитализм делает следующий шаг выхода человечества из животного мира. С капиталистическими отношениями природная составляющая труда не является атрибутом человека. Наоборот. Только через социальные отношения, только посредством денег люди осуществляют современный обмен веществ.

Наличие в России просторов леса и возможности жить на подножном корме демократы заботливо ликвидируют частной собственностью на землю. Ныне не порыбачишь, если не заплатишь. В современной Германии не только нельзя шагу ступить за разрешённую лесную тропу, но и каждое дерево инвентаризировано. В Японии вообще дошли до продажи воздуха **(и в Китае тоже, Б. И.)**. Социальная опосредованность потребления любых жизненных средств – факт современности.

Таким образом нащупывается рубеж перехода от феодального к капиталистическому труду. Так, в конце 18 в. даже вольнонаёмные работники ещё превращаются в крепостных, а в сороковых годах 19 в. даже феодальнообязанные крестьяне зарабатывают свой доход наёмным трудом.

Почему Великая Россия ещё в 1812 разгромила военную мощь всей Европы, а уже 1854 г потерпела военно-экономическое поражение? Что произошло в мире? Что произошло в России? Промышленный переворот.

(Ну, не только. Война 1812 года недаром названа Отечественной. Это была освободительная война. В Крымской войне Россия стремилась захватить чужие проливы Босфор и Дарданеллы. Наконец, Турция не принимала участие в войне 1812 года, Б. И.)

Промышленный переворот есть не только социальное преобразование, функционирование производства на наёмном труде. Он имеет прежде всего техническую смену: применение машинной техники вместо ручного труда.

Мануфактуры есть производство специализированных, разделением труда объединённых работников, пользующихся ещё старой технической базой: ремесленными средствами труда, средствами труда человеческого организма. «Когда Джон Уайет в 1735 г возвестил о своей прядильной машине, в его программе говорилось: машина для того, чтобы прясть без помощи пальцев.» С этого наступила эра обработки продукта труда без непосредственного воздействия человеческого организма.

Уже в 10-20 гг 19 в. крупная машинная индустрия Великобритании одержала победу над мануфактурой и ремесленным производством. Пошло массовое внедрение машин в само машиностроительное производство. Механизация различных производств и дифференциация механических орудий труда превратили простую кооперацию машин в систему машин. В единый производственный процесс.

Английский капитализм не только оборудовал собственные фабрики, но и стал машины вывозить: за 1826-50 гг экспорт машин увеличился в 6 раз. Этот вывоз машин стал толчком для технического перевооружения российских предприятий. «Савва Морозов, создавая фабрику в 1839 г, поручил Кноппу оборудование прядильными и ткацкими станками, которые нужно было доставлять из Англии. Морозовы добились больших успехов. И Кнопп был завален заказами от Барановых, Хлудовых, Малютиных и других фабрикантов. Позже Кнопп кредитовал почти 2/3 русских текстильных фабрик. Нанимал в Ан-

глии и Германии управляющих и мастеров, проектировал фабрики, размещал заказы на сырьё. Всего Кнопп принял участие в создании 122 ткацких фабрик. Ходила поговорка: «Где церковь, там и клоп, где фабрика, там и Кнопп» (Ионичев Н. П.)

В 1815 на Неве появился первый пароход. Пароходное сообщение установилось на Волге, Днепре, Волхове, Дону и Западной Двине, а также на Ладожском, Онежском, Ильменских озёрах и на Байкале. В 1840 в речном транспорте было 40 пароходов, 1850 г – 99. Правда, меньше десятка военных пароходов. Первая железная дорога общего пользования «Петербург - Царское Село» введена в действие в 1837 г. В 1843 начато строительство крупнейшей двухпутной магистрали Петербург-Москва. Тут ярко обнаруживается технико-экономическое отставание России. Если в русский военный флот только вступали пароходы, то в английском и французском флотах к 1854 находилось свыше 100 паровых кораблей разных классов. Если в Европе железные дороги насчитывали десятки тысяч километров, то в России к 1850 был построен 381 км дороги.

Надо сказать, что начали мы внедрение машинной техники с Европой почти одновременно. Так в 1805 на Александровской текстильной фабрике стали применять в хлопчатобумажном производстве паровой двигатель. В 1809 на этой фабрике были установлены английские прядильные машины. По примеру этой мануфактуры машины начали внедряться на многих других текстильных предприятиях. К 1812 только в Москве существовало 11 бумагопрядильных фабрик с 780 прядильными машинами. (Ионичев Н. П) Мало того, русские умельцы, узнав от пленных французов о способе производства тканей при помощи челнока, собственными силами изготовили эту новинку. Жаккардовые станы для шёлкоткацкого производства стали собирать по чертежам, попавшим в Россию контрабандным путём. Паровоз Черепановых изобретён в 1834 г так же, «на взгляд».

Потребность в рабочей силе развивающихся предприятий удовлетворялась наймом. Росло абсолютное количество и удельный вес наёмных рабочих. Удельный вес вольнонаёмных работников увеличился с 39,2% в 1767г - до 47,9% в 1804 и в 1825 до 54,4%. Это сопровождалось концентрацией производства и увеличением числа занятых на крупных предприятиях. В 1789 в селе Иваново на 226 мануфактурах

было занято 633 рабочих, из них - на 7 крупных мануфактурах, составлявших всего 3,1% от общего числа предприятий, было занято 245 человек (около 40%). «Особенно быстро и широко прививался вольнонаёмный труд на золотых приисках. В 1860 на золотых приисках Невьянского завода Яковлева было занято более 1150 вольнонаёмных, которые составляли половину всей рабочей силы, занятой на заводе. Почти вся добыча золота здесь производилась вольнонаёмными.» (Гороловский М. А., Пятницкий А. Н.)

Тем не менее! Промышленный переворот в России начался лишь в 40е годы. «Если в 1815-16 гг было ввезено машин и оборудования всего на 93 тыс. рублей, то в 1850 – на 8397тыс. рублей. Резкий скачок поставок оборудования к началу 1850-х был обусловлен тем, что в 1842 в Англии был отменён запрет на вывоз прядильных и ткацких машин.» (Ионичев Н. П.) Пока на транспорте доминировал гужевой транспорт и бурлацко-гребное судоходство, говорить о промышленном перевороте в стране не приходится. Когда железные дороги, минеральное топливо, металлические руды и рабочая сила соединились в саморазогревающуюся систему, тогда промышленность встала на собственный базис. Железнодорожные линии построены: Москва-Курск (1868), Курск-Киев (1870), Москва-Брест (1871), Ташкент-Красноводск (1899) и др. В 1891—1904 проведён Великий Сибирский путь от Челябинска до Владивостока. На Урал дорога пришла только в 1878.

Железные дороги оживили промышленность, вдохнули жизнь в уральскую металлургию, увеличили грузопоток, потребовали новых технологий, привлекли рабочую силу. Соль в том, что огромна провозная способность железной дороги - от нескольких миллионов тонн грузов в год (по однопутной линии) до сотен миллионов тонн в каждую сторону (по двухпутной линии). Поэтому их перевозки были в 7 раз дешевле гужевых. И в два раза быстрее, чем речные. При этом железнодорожные перевозки идут регулярно в любое время года и суток. С другой стороны, железные дороги сами являются крупными потребителями промышленной продукции. «Чуть ли не в геометрической прогрессии росла выплавка чугуна: 23 млн. пудов в 1874, 31 млн. в 1884, 45,5 млн. в 1889, более 165 млн. в 1899 году.» (Лукьянин В. П.) Металлургия перешла с дров на минеральное топливо, что породило,

в свою очередь, добычу каменного угля. Из Сибири пошёл дешёвый хлеб, рыба, руда, уголь.

Железнодорожное строительство, да и рост металлургии втянули крестьянство в строительство. Кайло с тачкой требовало массы народа. По данным переписи 1897 г в уральских губерниях указали на строительную профессию, как на главную 38973 чел. Это 8% от общей численности рабочих Урала. С 1860 по 1900 г общая численность рабочих Урала увеличилась с 375,2 до 823,3 тыс. человек. (Гаврилов Д. В.)

Как показывают исторические факты, промышленный переворот в России начался в 40-е и завершился в 90-е годы 19 века. В эти же годы меняется удельный вес принудительного и наёмного труда: помещицы, посессионные закрываются, а коммерческие предприятия делают ставку на вольнонаёмный труд.

Критерий смены феодальных отношений капиталистическими найден. Вот он: машинное производство, паровая энергия и железнодорожный транспорт различают наёмный и принудительный труд. Осуществляют выход человечества из системы непосредственной обработки предмета труда человеческим организмом. Хотя политическая отмена феодального домена в России свершилась в 1917, а отмена крестьянского хозяйства произошла в 1929-33 гг.

О том, что в странах центральной Европы после 2 мировой войны произошла национализация земель, изъятие из рук землевладельцев, многие знают. Но о том, что в Японии и ФРГ прошла такая же аграрная реформа с перераспределением земель знают лишь специалисты. Между тем, только в этот момент завершился переход феодализма в стадию капитализма.

Это, по сути, замена мелкотоварного производства на общественное, машинное производство. Здесь видно, что это по всему миру происходившая экспроприация труда, ведущего самостоятельное хозяйство. Вытеснение мелкотоварного производства. Превращение работника в продавца рабочей силы. В Англии этот процесс по «съеданию людей» захватил несколько веков.

Правда, в Англии этот переход от феодального способа производства к капиталистическому произошёл на базе ещё ручного труда, организованного в мануфактуры, и на базе водного транспорта - прежде всего парусного - флота. На производительных силах тяги ветра и

ручной деятельности, объединённой в одно производство разделением труда. В России же скачок перехода от феодального способа производства к капиталистическому произошёл на базе машинных средств производства и железнодорожного транспорта, т.е. с распространением машин и паровой тяги. На базе промышленного переворота.

Зрелый капитализм начинается с такой степени механизации производства, с таких общественно масштабных средств производства, которые могут функционировать только в руках совокупной рабочей силы. Уже мартеновская металлургия существует не в руках одного горнового мастера, даже не в руках бригады металлургов, а в руках всей рабочей смены. От транспортного цеха до ОТК. Даже паровозное хозяйство железной дороги требует совокупной рабочей силы. Без сигнальщика здесь не обойтись также, как без кочегара. С развитием электрифицированной дороги всё железнодорожное хозяйство превращается в единый, поминутный механизм. Здесь машинист, также как и диспетчер, не столько руководит производственным процессом, сколько подчиняется ему.

Феномен совокупной рабочей силы создаёт новые общественные отношения людей – непосредственно общественные.

С момента возникновения частной собственности, с развитием отчуждения продукта труда обмен деятельностью люди осуществляли через деньги. Будь это в форме простого эквивалента или уже в форме электронных денег. Такой общественно опосредованный обмен деятельностью не только создавал определенную общественную систему – общество товаропроизводителей. Вплоть до продавца рабочей силы. Но и создавал опосредованным сам природный обмен веществ, опосредованный отношениями стоимости.

Ныне, с развитием совокупной рабочей силы, с общественным трудом возникает непосредственная передача продукта труда одного индивидуума другому. Без продажи. Непосредственный обмен трудом, где каждый из индивидуумов вкладывает в продукт труда свою частицу. На конвейере, вообще в производстве совокупного труда, производители уже не относятся друг другу как собственники, потому что их обмен деятельностью непосредственен, не облекается в форму товара. Разность индивидуальностей нивелируется. Интеграция труда

опредмечивается в общественном продукте труда. Никто не может сказать про Интернет, что это его продукт труда. Интернет базируется на определённых мощностях. Но функционирует только в качестве продукта труда всей сети.

(Разумеется, в них нет ни грана коммунизма: все эти отношения точно так же стоимостные, точно так же опосредованы. Да еще не одним, а множеством посредников, Б. И.)

Расширение масштабности средств производства, процесс обобществления есть имманентный результат капитала.

(Идет и обратный процесс – дробление производства. Он заключается не только в деконцентрации производства, когда капиталист рвет трудовые коллективы, вынося производства в другие страны, чтобы ослабить профсоюзы. Но и в появлении производств замкнутого цикла, Б. И.)

Даже простое производство требует от капиталиста как ремонта, так и улучшения средств производства. Но капиталу нужна не единовременная прибыль, а постоянно самовозрастающий оборот капитала. Стремлением к обогащению капиталист, естественно, ведёт расширенное воспроизводство. Привлекает больше сырья, рабочей силы, заменяет средства труда на улучшенные, рационализирует весь производственный процесс. И каждый раз увеличивает производительность труда, применяет всё более и более эффективные средства производства. Развивает общественный труд. Общественные средства производства под эгидой частной собственности и в интересах капиталистического самовозрастания.

С автоматизацией, с роботизацией, с компьютеризацией производственный процесс становится не только более эффективным, но и более масштабным. Ныне немало производственных аварий обернулось техногенной катастрофой. Просто в каждом из этих производств воплощены определённые масштабы. Взрыв на железнодорожной Сортировке в Екатеринбурге выбил стекла во всём мегаполисе. А нефтяное пятно изменяет течение Гольфстрима.

После распада СССР в США отменили вэлфер, по всему миру резко снизился жизненный уровень.

«Считалось, что общество благосостояния создаёт пассивных, зависимых от пособий, безответственных людей» (Мелин Ян, Юханссон Альф В., Хеденборг Сюзанна)

(Да, с одной стороны, такая концепция стала актуальна на Западе, когда в Европе подскочила безработица, и даже в Японии 5%-я, шок для японцев. С другой стороны, необходимо было противопоставить патернализму в СССР конкурентность индивидуальности. Причем идеологам было хорошо известно, что увеличение армии безработных приводит только к атрофии интереса к труду, Б. И.)

«Действительное освобождение невозможно осуществить иначе, как в действительном мире и действительными средствами.. **НЕЛЬЗЯ ОСВОБОДИТЬ ЛЮДЕЙ, ПОКА ОНИ НЕ БУДУТ В СОСТОЯНИИ ПОЛНОСТЬЮ** в качественном и количественном отношении **ОБЕСПЕЧИТЬ СЕБЕ ПИЩУ И ПИТЬЁ, ЖИЛИЩЕ И ОДЕЖДУ.**» (Маркс, Энгельс)

Стабилизация отношений между феодалом и феодально-зависимым крестьянином привела к гарантированному воспроизводству крестьянского держания, и поэтому - к расцвету Средневековья 11-13 веков.

Классовая борьба пролетариата, хоть достигнув победы революции, хоть добившись компромиссного участия в управлении, в результате кристаллизовалась в 20 веке в форме социального обеспечения наёмных работников из общественных фондов.

(По сей день бедность не только не изжита, не только растет расслоение между странами по доходам, но идет возврат к тезису Маркса об абсолютном обнищании, от которого он отказался – ежегодно 40 млн человек в мире умирают от голода, Б. И.)

Зато какой широты достигла социальная группа относительно обеспеченных людей. Которых, в сравнении с богачами и нищими, назвали средним классом. Широтой - к суживающимся углам богачей и нищих.

Эта картина социальных отношений в виде успокаивающего ромба (мол зажиточнее становятся) стала краеугольным камнем «постинду-

стриального общества», новой концепции всемирно-исторического процесса.

Возникла данная концепция среди западных социологов в середине 60-х гг 20 века. Перед этим некоторые западные обществоведы современное им общество (капитализм) характеризовали в качестве «индустриального общества». Так, Уолт Ростоу, дал своё понимание стадий экономического роста. Реймон Арон обратил внимание, что с точки зрения стран Азии - и Запад, и Советский Союз одинаково воспринимаются как индустриальные страны.

Уже Джон Гэлбрейт появившиеся после 2 мировой войны явления современности, такие как телевидение, полёты в космос и разработку ядерного оружия, обозначил «Новое индустриальное общество». В 60-х гг, отчасти в связи с бумом прогнозов о последствиях новой техники, возникла комиссия во главе с Германном Канн, прогнозирующая развитие США до конца 20 века. В своём докладе Канн использовал словосочетание «после-индустриальное общество». Состоявший в этой комиссии Даниэл Белл в течение 60-х гг неоднократно выступал с докладами и статьями, описывая новые явления в современности, такие как увеличение численности работников умственного труда и повышение значимости знаний. Для обозначения этих новых явлений он нашёл удачное слово «постиндустриальное общество».

Западные мыслители, общественное мнение подхватили эти идеи о значимости новых явлений для современности. Правда, каждый из выступающих вносил своё наименование для обозначения новых социальных перемен (технотронное - Бжежинский, супериндустриальное - Тоффлер, информационное – Нейсбит) Тем не менее, словосочетание «постиндустриальное общество» в дискуссии закрепилось.

Что объективно нового было зафиксировано этими теоретиками?

Прежде всего, рост доли населения, занимающейся инженерно-технической деятельностью, наукой, образованием. «Развитие технологии создало новый класс, ранее неизвестный в обществе, - класс инженеров и техников, людей непосредственно не участвующих в производительном труде, но представляющих собой «аппарат планирования» операций, образующих процесс производства.» (Белл Д.)

Во-вторых. Роль знания, вообще значение получения и обработки информации. «Каждое общество всегда опиралось на знания, но только в наши дни систематизация результатов теоретических исследова-

ний и материаловедения становится основой технологических инноваций. Это заметно прежде всего в новых, наукоёмких отраслях промышленности – в производстве компьютеров, электронной, оптической техники, полимеров – ознаменовавших своим развитием последнюю треть столетия.» (Белл Д.) «Информация и знание составляют одновременно и исходный материал, и продукт их деятельности. В интеллектуальных компаниях, т.е. в тех, где доля работников умственного труда доходит до 40%, - занято 28% всех работающих в США. Однако в последние 5 лет на них приходится 43% вновь созданных рабочих мест. (на рубеж 60-70 гг 20 в) Но дело не только в том, что все больше людей занимаются умственным трудом: растёт интеллектуальное содержание всякого труда, будь то в сельском хозяйстве, промышленности, учреждениях или в свободных профессиях.» (Стюарт Т.)

Таким образом, западные мыслители однозначно (с пафосом новой парадигмы) заметили экономический вынос непосредственных производителей за рамки производства (**об это пишет даже левый Ноам Хомский! Б. И.**).

Точнее, их работой в производственном потоке стала информация. Целеполагание. Как в качестве предмета труда по использованию теоретических достижений, так и в качестве продукта труда по созданию наукоёмких технологий. Наконец, умственного труда по контролю и управлению производством. Работник КИПа ещё считается даже нашим «Классификатором профессий» рабочей должностью. Хотя уже качественно не отличается от оператора ЭВМ на атомной электростанции. Оба заняты нефизическим трудом.

Даже работа электромеханика, обслуживающего ЭВМ физическим трудом, требует такой степени знаний, что его непосредственно выполняемые действия не идут ни в какое сравнение с той умственной работой, знанием, что нужно ремонтировать и как нужно ремонт исполнять.

Таким образом, развитие средств производства до степени полного выхода людей из автоматизированного процесса стирает различие между физическим и умственным трудом. В сокращении «синих воротничков» признаётся исчезновение физического труда.

(Действительно, во всем мире снижается доля живого труда. Но содержание труда рабочего не исчерпывается термином «физиче-

ский». Например, скульптор – не рабочий, но занят исключительно физическим трудом. Труд рабочего – направлен на производство серий товаров для масс, потому он годами одинаков, монотонен, однообразен, отупляющ, обезличивающ. То есть, в его содержании доминирует абстрактное начало. Казалось бы, доля живого труда в поднимании баночек, которые упали на конвейере, крайне мала. Но даже в американской рекламе, где специально показаны такие рабочие, призывают «Не бросай школу!» Именно в виду обезличивание в конце 60-х в США вспыхнули мощные забастовки против конвейерной системы.

Кроме того, рабочих, занятых именно грубым ручным трудом становится всё больше, их отчасти скрывает вынос производств в страны третьего мира – число таких рабочих растет в Китае, все Азии, в Африке, Б. И.)

Правда, западные обществоведы представляют работников умственного труда не участниками общественного производства, а самостоятельными работниками. Ремесленными товаропроизводителями. (Отсюда «мессидж» Аттали о номадизме, кочевничестве. Во-вторых, многие либералы представляет, что все люди получают вождённые деньги в результате продаж услуг. В первую очередь, спекулятивных, когда вещи, духовные ценности и т.п. не производятся. Или, как торговля, посреднических.

Работники этих сфер (офисный планктон, работники супермаркетов и т.д.) обладают своеобразным менталитетом, противоположным менталитету рабочих.

Чем работник сферы досуга отличается от кузнеца промышленности? Экономически – ничем, говорят либеральные идеологи. Хуже: то же самое говорят лидеры большинства компартий мира! О каком марксистском образовании этих людей можно говорить, если они не могут отличить одинаковых по характеру труда (наемному) совершенно разных людей по содержанию труда! Б. И.)

Западные обществоведы, разделяя ресурсы на капитал, рабочую силу и информацию, под продажей информации понимают не продажу

продукта труда. А именно применение знаний инженерно-научными работниками в качестве продажи процесса труда. «Информация становится основным ресурсом, а внутри организаций – источником силы. Профессионализм превращается в критерий общественного положения...» (Белл Д.)

Но, осмысление этого «ресурса» у них принимает превратный вид прав человека. «Как только гражданин США переступает порог завода или офиса в 9.00, он (она) становится почти бесправным до 17.00, и так с понедельника по пятницу... Несомненно, это одна из главных причин, по которым мы пересматриваем противоречие между нашими демократическими ценностями в политике и архаической манерой управлять нами на работе. Общий закон, который правит работодателями и работниками, всё ещё основан на отношениях хозяина и слуги.» (Нейсбит Д)

Наши учёные однозначно определили классовое положение большинства, так называемых «белых воротничков». Эти программисты, инженеры, учёные и т.п., люди умственного труда, есть такие же работники наёмного труда, как и фабрично-заводские рабочие. (Иконникова Г. И.)

Сами капиталисты ясно осознают место «белых воротничков». Избрание в наблюдательные советы фирмы хоть осуществляется отдельно от рабочих и служащих. Но в паритетном представительстве труда и капитала – служащие относятся к стороне наёмных работников.

Как положение рабочего физического труда противопоставляется к положению «среднего класса», так постиндустриальное общество благополучия противопоставляется их обществоведами обществу индустриальному, где рабочие были бедны и конфликтовали. Кроме того, поскольку индустриальное общество послужило точкой опоры для обнаружения явлений постиндустриализма, постольку самому индустриальному обществу противопоставляется, так называемое традиционное общество. Под этим названием оставляется вся история от возникновения человечества до капитализма. И процесс изменений от традиционного к индустриальному, постиндустриальному обществам назвали модернизацией. Вот и создалась 3-членка. Новая концепция о стадиях всемирно-исторического процесса.

В советских публикациях легко развенчали эти новоявленные «общества» простым анализом найма работников умственного труда. (Островитянов Ю. К. в 1969; Иконникова Г. И. в 1971, в 1986; Араб-Оглы Э. А. в 1973; Красин Ю. А. в 1974; Калинин В. А. в 1986, и т.п.)

(Разумеется, информационные технологии – новое явление. Но общество от этого не становится «постиндустриальным», просто западные идеологи разрывают связь информационных технологий с индустрией, делая вид, что технологии существуют сами по себе Б. И.)

Рассмотрим же действие стоимости на работника совокупного труда в СССР.

В советском производстве работник, искренне старавшийся работать на общественное благо, своей интенсивностью и талантом повышал производительность труда. И даже получал повышенную зарплату стахановца. Стахановцы - не порождение идеологического пиара. Повсеместным проявлением они были действительным движением страны. Целой волной советского времени. Но!

С повышением производительности труда понижались расценки на продукцию, повышались нормы выработки. В итоге, относительно труда - сокращалась зарплата. И так из раза в раз. Так проявлялся закон стоимости в отношении такого товара, как рабочая сила (**Сталин в 1953 году отрицал это в брошюре «Экономические проблемы социализма», Б. И.**)

Проблема мотива работника является неразрешённой. Реформа Косыгина рубежа 60-70 гг пыталась решить проблему мотива работника совокупного труда переходом на бригадный подряд. Но! Простые трактористы стали зарабатывать больше министров. Под угрозу была поставлена вся система социального распределения. И реформу прикрыли. Оставив только премиальный фонд за перевыполнение плана.

В Японии система патернализма «пожизненного найма» целенаправленно воспитывала работников на приверженность к своей фирме. Отношения в производстве переносились из семьи, где действовала конфуцианская поддержка низших высшими. Производственные

отношения Японии опирались не на американское это индивидуализма, а на общинный дух востока. Поддержка низших высшими, патернализм.

В послевоенной ФРГ применили не только общее перераспределение доходов под лозунгом христианства, но и производственную систему участия. Путем представительства рабочих в наблюдательных Советах (Aufsichtsrat) наёмные работники настраивались на радение интересов своей фирмы. На труд ради общего результата.

Подобные органы участия труда и капитала создались во Франции – коллективный договор, в Бельгии – рабочие представительства от уровня предприятия до уровня страны, в Австрии – производственные советы, в Дании и Норвегии – рабочие представительства, в Люксембурге – смешанные производственные советы и административные советы. (Волков А. И.) Эти органы достигли степени «социального партнёрства» на базе информационного сотрудничества.

В Швеции это соучастие достигло даже финансового участия. «Шведский социализм» возник не случайно, а в качестве целенаправленной политики социал-демократической партии. Они законодательно приняли, так называемые, «Фонды Мейднера». «Согласно этому проекту, определённая доля прибыли предприятия должна отчисляться в фонд рабочих данного предприятия. Основная его часть расходуется на приобретение акций данной компании, и рабочие должны становиться постепенно владельцами всё большей части капитала» (Волков А. И.)

Капитализм пошёл на создание определённых самоуправляющихся групп на рабочих местах. Коллективной заинтересованности за результат по типу нашего бригадного подряда. «Различного рода «управление на рабочих местах», такое, как система DPO во Франции или система рабочих групп на предприятиях «Вольво» в Швеции, служит скорее повышению степени эксплуатации трудящихся, побуждая их стимулами материального и морального порядка как бы к добровольной самоэксплуатации.» (Волков А. И.)

Только в Великобритании, в Италии и в США сохраняется отношения конфликтного сотрудничества. Итальянские профсоюзы охладели к идеи участия. Считают, что только путём забастовочной конфронтации можно добиться удовлетворения интересов рабочих.

Аналогично во Франции, скажем, на Ситроене везде висят ящички – рабочие могут бросать в них письма с пожеланиями, как улучшить производство.

Казалось бы, деньги могут стать мотивом. Но только на сдельной работе. В остальном в капиталистическом производстве властвует план. В начале 20 века Макдональд сделал цену акции доступной для рабочих, рабочие стали совладельцами, что надолго избавило Великобританию от забастовок. Но мода на акции скоро прошла, в 90-е во Франции их уже раздавали рабочим бесплатно, но рабочие отказывались.

Во Франции пошли даже на то, чтобы сделать труд более свободным таким способом: рабочий сам выбирает, когда ему прийти на завод.

Маркс писал, что комбинированный, объединенный труд создает дополнительную прибавочную стоимость из-за эффекта синтеза и из-за энтузиазма. Но мы уже знаем, что капитал дробит труд, а энтузиазм быстро выдохся даже в СССР

Но главным тормозом является все то же доминирование абстрактного в труде рабочего. Цель физика – увеличить продолжительность смены (мы в лаборатории радиоспектроскопии задерживались до 23.00), цель рабочего – поскорее уйти за проходные.

Если производительность труда в «социалистическом» СССР была порядка 79% от производительности труда в США, то сегодня в России производительность труда втрое меньше, чем на Западе. Причины очевидны: 1) низкая зарплата, 2) коррупция власти и беспредел бизнесменов, чиновников и правоохранительных органов, 3) профнепригодность власти, 4) ориентация бизнеса и власти на развитие экономики на западе, но не в России.

Борис Ихлов